

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ**МАРУСЯ РЯБИНИНА***Рассказ*

Городской совет помещался в доме фабриканта Полушина. Дом просторный, удобный, комнат хватало на всех - нашлась внизу, под каменной лестницей, малая каморка и штабу Красной гвардии. В семнадцатом году мы вовсе забывали, где живем на постоянном житье: там ли, где осталась семья, здесь ли, в совете, где надо быть начеку и ночь и день. И больше времени проводили в совете: день, от зари до полуночи, - по заседаниям, в приемах, по митингам - мало ли что! От полуночи до рассвета дремали мы на широких дубовых столах, по лавкам, на притоптанном смачном полу - кто где наугад уместится. В штабе гвардии - круглые сутки содом; приходили рабочие с фабрик, отмечались, давали сведения о своих отрядах, получали оружие, подписывались на разных обещаниях, правилах, брали инструкции, уходили. Была бессменная возня с учетом, много хлопот было и с оружием - оно частью хранилось тут же в комнатке, частью во дворе, в сарае - автомобилями возили его сюда из военкомата.

В штабе гвардии впервые я встретил Марусю Рябинику. Была она девушка вовсе ранняя, годов семнадцати. Лицом кругла, в щеках румяна, носик торчал красной шишечкой, светло-зеленые шустрые глаза просверкивали через темную изгородь ресниц. Русые гладкие волосы Маруси отхвачены коротко и неровно; из-под платочка торчали они за ушами и на затылке будто жесткие оборванные пучочки мочала. Ходила Маруся в кожаной тужурке, в плотной черной юбке - так ходила и лето и зиму, другого костюма не знала.

Первый раз я увидел Марусю в штабе гвардии. Она сидела, пригнувшись круто над столом, опрашивала грудку рабочих, записывала то, что рассказывали.

Прошел восемнадцатый год. В январе девятнадцатого мы уходили на Колчака. Иваново-вознесенские ткачи посылали тогда свой первый тысячный отряд. Этот отряд развернулся на фронте в полк, и прошел тот полк - Иваново-Вознесенский полк прошел страдный путь по Уралу, по самарским степям, был на Украине, с конницей Буденного. Ходил на белую Польшу.

С первым отрядом ушла и Маруся Рябенина.

Горели пожары весенних боев - Колчак наступал на Волгу. То были дни колчаковских побед, дни, когда по югу раздольными полями в Москву развивал свой ход Деникин, когда по северу рыскали хищным зверьем английские добытки. Советская Россия нервно дрожала в когтистом капкане упорного, лютого, смелого врага. Надо было резким усилием разжать капканью цепь, вырвать мускулы из тесных пут, врага ударить с отвагой, с размаху, в лоб. И первым же крепким ударом надо было вышибить дух Колчаку. Мы скликали против победного адмирала со всех концов советские полки.

Округлилась крутой железной грудью и встала в упор и глянула дерзко, не мигая, врагу в лицо дивизия чугунных чапаевских полков. В этой дивизии был полк иваново-вознесенских ткачей, в том полку шла бойцом Маруся Рябенина.

С переломных апрельских дней врага повернули вспять. В апреле от Бузулука в Бугуруслан гнали мы с присвистом и гиком белое вражье войско.

Есть такое село в просторах от Волги к Уфе - Пилюгино - его не забудешь целую жизнь. Был под Пилюгиным бой. Ревели и выли орудия. Шрапнель целовала огненным поцелуем голубой небесный овал. Как злые цепные псы - рвали, визжали пулеметы. Ссеченным колосом падали бойцы - птицами бились в подсолнечных зарослях. Враг смолк. Враг пропал. И сразу остановилась страшная, испуганная тишина; мы мертвыми цепями молча шли по гумнам к затихшим избам села, шли и не знали, как встретят? Неужто роковая засада припряталась здесь по углам? Неужто эти глухие овины, эти молчащие избы стерегут нас страшной тишью? Мы робко ступали, как в погреб, чиненный динамитом. Крался Иваново-Вознесенский полк, скрипела под ногами непокорная жухлая трава. Шла в цепи Маруся Рябенина, устало свисла в нервных руках тяжелая каштановая винтовка, глаза горели страстным возбуждением, но улыбалось открытое чистое девичье лицо. Полк вкрался в село,